

За эти дни общения Янь Юаньшу заметил, что из двух братьев Чэн Фэн явно более общительный, а Чэн Юй большую часть времени выглядел как человек, разочарованный в жизни, с морщинами на лбу, которые могли бы вместить целые горы.

— Так ты можешь сказать мне, есть ли у вашего главы долины какие-то табу?

Чэн Фэн странно посмотрел на него, затем на человека рядом, который низко склонился над книгой, и тихо сказал:

— Ты что, онемел? Спроси сам!

Янь Юаньшу повернулся и громко обратился к Хуа Сюю:

— Чэн Фэн сказал, чтобы я спросил у тебя, есть ли у тебя какие-то табу!

— Глава долины! — Чэн Фэн широко раскрыл глаза.

Хуа Сюй спокойно поднял взгляд:

— Главное, чтобы ты говорил меньше.

— Правда? А можно мне спать до обеда?

Глаза Янь Юаньшу загорелись.

— Я никогда не заставляю их. Если хочешь спать — спи. Просто надеюсь, что, просыпаясь, ты будешь вспоминать отца.

Услышав это, лицо Янь Юаньшу сразу поникло. Он схватился за голову:

— Ох... Ты действительно умеешь говорить. Ты и убиваешь так же, без крови?

— ...Мы приехали, выходи.

Перед ними был совершенно непримечательный двор. Даже черепица на стенах местами обвалилась, словно ее сорвали воры в спешке. Ворота были обычные, красного дерева, с обеих сторон стояли потускневшие колонны, а на табличке было написано всего два иероглифа: «Дом Чэнь». Все выглядело настолько обыденно, насколько это возможно.

Только после того, как Хуа Сюй вошел, Чэн Фэн бросил на Янь Юаньшу взгляд, полный уважения, и шепнул ему на ухо:

— Ты действительно не боишься ничего сказать...

Янь Юаньшу поднял бровь, беззастенчиво заявив, что он не заслуживает таких похвал, и они все вошли внутрь.

Во дворе тоже не было ничего особенного, только в одном углу была небольшая клумба с бегониями, которую, словно боясь, что ее уничтожат, обнесли тонкими бамбуковыми палочками.

Довольно забавно.

Однако, когда он вошел внутрь, он чуть не упал на колени.

Хуа Сюй, одетый в черное, спокойно стоял в центре, а вокруг него на коленях сидели люди в одинаковой одежде. Если не считать их грязные косы, которые едва ли можно было назвать украшением, их внешний вид был просто ужасен. Янь Юаньшу вспомнил злодеев из уся-сериалов.

И сейчас все они смотрели на него с угрожающим видом.

В тот же момент у него по спине пробежал холодный пот.

— Извините, извините, я лучше подожду снаружи, полюбуюсь цветами.

Он мысленно бормотал, стараясь незаметно развернуться.

— Подожди, не уходи. Как раз все старейшины Лояна здесь, пусть познакомятся с тобой. Впереди еще долгая жизнь.

Голос Хуа Сюя был по-прежнему холоден, но Янь Юаньшу почувствовал, что тот хочет его сгубить.

Он повернулся с каменным лицом, стараясь выглядеть совершенно бесстрашным, и, поклонившись, произнес:

— Я Янь Юаньшу, новый подчиненный главы долины. Надеюсь, в будущем вы будете обращаться со мной помягче.

— ...

Хуа Сюй не мог понять, боится он или нет.

Хуа Сюй сел на главное место в зале. Резное кресло выглядело немного старомодно. Янь Юаньшу осмотрелся, но не увидел ни одного стула, поэтому встал рядом с остальными.

Затем дверь скрипнула и закрылась, в комнате стало темно. Сверху раздался спокойный голос Хуа Сюя:

— Я отсутствовал больше месяца. Были ли в долине какие-то происшествия?

Крепко сложенный мужчина вышел вперед и, сложив руки в поклоне, сказал:

— Докладываю, глава долины. Согласно сообщениям наблюдателей, старший и второй господин в последнее время не выходят из своих покоев, проводя все время с наложницами.

— А мой отец?

— Старый глава долины по-прежнему в том же состоянии, ничего не помнит. Кроме того, у нас есть кое-какие новости по тому делу, которое я начал расследовать самостоятельно.

Он посмотрел на человека, сидящего наверху, с осторожностью.

— Говори...

— Три дня назад я получил сообщение от шпиона. Похоже, эти люди не являются новой силой. Многие из них не занимают высоких постов, некоторые даже обычные крестьяне, всю жизнь работающие на полях. Если говорить о странностях, то после многочисленных расспросов

выяснилось, что у всех них наблюдается одно явление...

Он замолчал, нерешительно.

— Что?

В темной комнате только за спиной Хуа Сюя было окно, и белый свет скользил по краю его черной одежды. Янь Юаньшу не мог разглядеть его лицо, но чувствовал, что даже если тот удивится, это не будет заметно.

— Эти люди вдруг изменили свои привычки. Те, кто всегда был правой, стали левшами; те, кто раньше был равнодушен, внезапно заинтересовались вещами; даже дети изменились — они стали ненавидеть своих матерей... Глава долины, я знаю, это звучит невероятно, но если бы я не видел этого своими глазами, я бы не стал говорить об этом сейчас!

Он сжал кулаки, боясь, что ему не поверят.

— Тук... тук... тук...

Янь Юаньшу, погруженный в свои мысли, услышал звук и огляделся. Оказалось, это Хуа Сюй постукивал по столу. Он вспомнил, что раньше тоже любил так делать, когда думал, но сейчас он уже давно не повторял этот жест, потому что его тело привыкло к настоящему Янь Юаньшу. От него осталась только душа.

Голос Хуа Сюя раздался сверху:

— Знаешь, почему я тогда не поддержал твоё расследование? Долина Чэньфэн долгое время жила в уединении. Мир процветает или приходит в упадок — это не наше дело. Даже в этом небольшом пространстве полно раздоров, не говоря уже о бескрайнем мире. Теперь, когда ты нашел кое-какие зацепки, распространи эту информацию. Кто-то заинтересуется и начнет расследование. Ты же займись делами долины.

— Но глава долины...

Хуа Сюй поднял руку и продолжил:

— Честно говоря, я не верю в это. Ты видишь, как мать готовит для своего ребенка вкусную еду, но что, если это мясо вчера было другом ребенка? Ничто не остается неизменным. Просто мы не видим причин.

— Глава долины... Если вы не верите, съездите в городок Юаньфан. Я не вру!

Хуа Сюй махнул рукой:

— Сюй Цзоши, можешь идти. Обсуждение окончено.

Почему-то, услышав, что Хуа Сюй не верит, он почувствовал облегчение. До этого он был напряжен.

— Ты не идешь?

Кто-то толкнул его в плечо. Это был Чэн Фэн.

Янь Юаньшу очнулся и увидел, что зал снова освещен, но уже пуст. Он даже не заметил, когда

все закончилось. Почесав голову, он улыбнулся:

— Ваш разговор был настолько непонятен, что я чуть не заснул.

Чэн Фэн смерил его презрительным взглядом:

— Хочешь спать — идем. Глава долины велел устроить тебя.

Он послушно последовал за ним:

— Тогда спасибо. Скажи, а в моем дворе есть сливы?

— Нет, глава долины не любит такие цветы. Эти бегонии у входа мы с Чэн Юем едва отстояли.

— Ну, это уже слишком. Сам не любит, и другим не дает?

Только что он это сказал, как Чэн Фэн ударил его по голове. Теперь он точно понял, что они с Чэн Юем близнецы.

Чэн Фэн понизил голос:

— Не болтай глупостей. Если хочешь долго жить, говори меньше. Ты думаешь, здесь все одной крови? Некоторые вещи, если высказать вслух, даже глава долины не сможет тебя защитить.

Янь Юаньшу сжался, прикрыв рот рукой, и шепотом спросил:

— А где я буду жить? Далеко от него?

— Недалеко, рядом. Глава долины благосклонен к тебе, так что веди себя прилично и не создавай ему проблем!

У Янь Юаньшу была одна вещь, которую он боялся обсуждать с другими, потому что это было стыдно. Раньше, когда он учился, он боялся учителей. Потом, когда работал, боялся начальников. Без причины, просто боялся.

Теперь он широко раскрыл глаза, вспомнив ледящую атмосферу в той комнате и ледяное лицо Хуа Сюя, и даже говорить больше не хотел. Красавец — это конечно хорошо, но если он твой начальник, то шутить с ним опасно. Он не хотел рисковать.

Внутри дома Чэнь все было просто. Не было ни одного дерева, только коридоры и комнаты. Закат окрасил все в теплый оранжевый цвет, придавая обычным строениям необычный оттенок. Вскоре его подвели к круглой арке с надписью «Покои Саньшэн». За ней стоял каменный стул и такой же круглый стол, на котором, казалось, была расставлена шахматная доска. Он еще раздумывал, почему стул только один, как Чэн Фэн отступил назад и сказал:

— Заходи. Мы с Чэн Юем без дела не будем беспокоить главу долины.

С этими словами он ушел.